ГЕОРГИЙ СИДАМОН

ОСМЕЯННЫЙ ПРОРОК

(К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя)
1852—1952

Мюнхен

ГЕОРГИЙ СИДАМОН

ОСМЕЯННЫЙ ПРОРОК

(К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя)
1852 — 1952

Издательство
РУССКАЯ ИДЕЯ
Мюнхен

Друк: „ЛОГОС", Мюнхен 8, Розенгаймерштр. 46 а.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте текущего года исполнилось сто лет со дня смерти одного из величайших писателей и мыслителей земли русской — Николая Васильевича Гоголя. Имя Гоголя дорого каждому русскому сердцу, его замечательные произведения не могут быть «изъяты из обращения» даже при помощи самой свирепой «тоталитарной» цензуры. Гоголь учил добру и подлинно прекрасному в жизни. Не имея возможности замолчать Гоголя, советское правительство подняло большой «шум» вокруг памятной даты. С октября прошлого года, руководящие советские газеты: «Правда», «Известия», «Литературная газета» почти ежедневно публиковали подробные сообщения о предстоящих «гоголевских торжествах» в Советском Союзе. Был организован специальный комитет под председательством поэта Николая Тихонова, академия наук СССР, государственные издательства, детские издательства и ряд других спешно выпустили новое издание произведений Гоголя, были «мобилизованы» художники, скульпторы, артисты, композиторы и так далее.

Достаточно привести две выдержки из советской прессы, чтобы понять какую «пропагандную» важность придавали большевистские власти «гоголевским дням»: «Правда» в номере от 24 января с/г, на второй странице, опубликовала подробные сообщения об «очередном заседании в Москве всесоюзного комитета по проведению столетия со дня смерти Н. В. Гоголя». Обсудив ход подготовки к знаменатольной дате, комитет констатировал, что: «в клубах, дворцах культуры, колхозах, совхозах, учебных заведениях ... начались лекции и доклады, посвященные Н. В. Гоголю. Новыми постановками отмечают столетие со дня смерти гениального художника театры нашей страны ... более ста пятидесяти театров работают над гоголевскими спектаклями. Пьесы Гоголя будут изданы на двадцати двух языках народов СССР ... мастера художественного слова будут читать произведения писателя ... в Москве

подготавливается выставка работ советских художников, посвященных Н. В. Гоголю. В экспозицию войдут книжные иллюстрации, портреты и скульптуры великого писателя...»; другая советская газета «Известия» (в номере от 19 января с/г), также подробно сообщила об издании произведений Н. В. Гоголя. Оказывается, что академия наук СССР выпускает два издания: одно 14 томное — «академическое» и другое пятитомное, «расчитанное на широкий круг читателей»; государственное издательство художественной литературы печатает шеститомное издание; «гослитиздат» выпускает тиражем в 300 тысяч экземпляров однотомник избранных произведений» и тиражем в 500 тысяч экземпляров комедию «Ревизор»; издательство «Молодая Гвардия», в качестве приложения к журналу «Московский колхозник», публикует шесть томов сочинений Гоголя; «Детгиз» — художественно оформленное издание для школьников с рисунками известных каррикатуристов Кукрыниксов и других художников. Кроме того «школьники получают также иллюстрированную гоголевскую библиотеку из десяти выпусков». К работе призван ряд критиков, им в обязанность поставлено доказать, что Гоголь был «подлинным демократом» и предтечей большевизма.

Невольно возникает вопрос — почему большевики затеяли такую грандиозную «рекламу» вокруг имени великого писателя? Ответ очень несложный. Большевики **боятся** Гоголя, а «запретить» его не могут даже они... Миллионы русских людей, читая бессмертные произведения писателя, учатся великой христианской любви к ближнему и дальнему. И не надо забывать, что Гоголь, бичуя пороки современного ему общества, исходил не из **ненависти материализма и атеизма,** но из глубокого **христианского** мировоззрения. Гоголь — апостол любви и идеализма, Гоголь — чистейший христианин — опасен и вреден для большевиков. Советские «подданные», читая произведения писателя, невольно, с еще большей ясностью должны почувствовать весь ужас беспринципного, жестоко-бездушного, аморального и атеистического материализма коммунистического режима, превращающего живую человеческую личность, столь дорогую Гоголю, в какой-то ничтожный механический придаток жизни.

Вот почему большевики из **«кожи лезут вон»**, чтобы доказать, что Гоголь был одним из предтечей длинной вереницы бесов, разрушавших христианскую Россию. Думается, что не только нам, свободным руссским людям, но и всему страждающему народу нашей несчастной родины, такая «претензия» коммунистов по меньшей мере смешна для всех, кто хотя бы раз читал Гоголя. Поэтому мы спокойно и с достоинством можем бросить в лицо «бесам»: Руки прочь от **нашего** Гоголя! Руки прочь от великого христианского гения, от глубокого патриота и чистейшего сердцем человека!...

В день столетия со дня смерти великого писателя мы не можем не дать краткую биографическую справку, не вскрыть сущность его творчества.

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в мелкопоместной дворянской семье, владевшей небольшим имением на Украине, вблизи местечка Сорочинцы. Отец писателя был способный, но скромный человек, ушедший целиком в свое хозяйство. Мать — добрая и глубоко религиозная женщина, заложившая в душу сына семена глубоких христианских начал. Гоголь с детства отличался живостью, глубокой впечатлительностью и склонностью к фантазии. Развитию этих качеств способствовали частые посещения богатой усадьбы родственника матери некоего Трошинского. В доме этого богатого помещика царил вечный праздник: спектакли, концерты, музыка; словом, артистическая атмосфера этого дома оставила глубокий след на развитие художественного чутья будущего писателя. Десяти лет от роду Гоголь поступил в гимназию в городе Нежине, которую окончил в 1828 году. В гимназии Гоголь был учеником посредственным, но уже там отличался живостью и наклонностью к сочинению фантастических рассказов. Окончив гимназию, Гоголь, вместе со своим школьным другом Данилевским, отправляется на «завоевание» Петербурга. Но действительность оказалась несколько иной, и жизнь в столице — тяжелой. Первое произведение Гоголя — героическая поэма «Ганс Кюхельгартен» провалилось и у публики и у критики. Обескураженный автор решил уехать в Америку искать счастья, однако далее Германии не доехал, вернулся на родину и стал искать

работы. В 1830 году Гоголь поступил на службу в департамент уделов, но скоро оставил канцелярскую работу и при помощи своего друга, известного литератора и поэта Плетнева, получил место учителя в патриотическом институте. Последующие годы через Плетнева Гоголь сближается с Пушкиным и Жуковским, последний устраивает для него кафедру истории в петербургском университете. Вступительная лекция молодого профессора имела блестящий успех, но через год он вынужден был оставить университет — усидчивая педагогическая работа была ему не под силу. Гоголь целиком уходит в литературу.

К этому времени имя Гоголя уже пользовалось широкой известностью в литературном мире. В 1831 году вышла его первая книга «Вечера на хуторе близ Диканьки», затем последовали «Миргород» и «Арабески». Пушкин высоко ценил гений молодого писателя и, как гласит некоторая литературная легенда, подсказал ему тему «Ревизора». Гоголь возлагал большие надежды на эту комендию. «Ревизор» имел шумный успех и... нажил автору много «высокопоставленных» врагов, сбвинявших его в «ниспровержении» устоев, цинизме и даже атеизме. Только император Николай I-й, августейший критик этой эпохи, отлично поняв, в кого действительно метит комедия, стал на сторону автора. Но «большой свет не мог простить автору и продолжал ватихомолку клеветать. Это глубоко задело Гоголя, и он в 1836 году уехал заграницу, где прожил целых семь лет, большей частью в Риме, ставшем для него как бы второй духовной родиной.

После «Ревизора» Гоголь опубликовал свою знаменитую повесть «Шинель», о которой великий Достоевский говорил: «все мы вышли из гоголевской шинели», и две комедии: «Женитьба» и «Игроки». С 1835 года Гоголь усиленно работал над своим главным произведением «Мертвые Души», первая часть которого появилась в печати в 1842 году. Книга эта по замыслу автора должна была стать «зеркалом России» (есть указание, что и тема «Мертвых Душ» была подсказана Пушкиным).

После опубликования «Мертвых душ», Гоголь в ответ на нападки части критиков, напечатал свои «Выбранные места из переписки с друзьями» — работу за-

мечательно глубокую, вызвавшую негодование (и страх) «передовой» части русской интелигенции сороковых годов прошлого века. Белинский выступил палачом великого писателя, уже глубоко больного. После этого наступил последний душевный кризис Гоголя. Он сжигает вторую часть «Мертвых душ», уходит в себя и, вернувшись после поездки в Палестину на родину, живет еще несколько лет в Москве, замкнувшись от всего мира. Смерть положила конец его душевным стараданиям в 1852 году.

Долгое пребывание Гоголя в Риме было самым счастливым временем его жизни. В Вечном городе, окруженный верными друзьями, он нашел то, к чему стремился всю жизнь — Искусство (с большой буквы) и христианство, но ни на один момент не забывал он того, что было ему дороже всего на свете — родину.

В заключение необходимо сказать несколько слов о художественном подходе в творчестве Гоголя. Принято было всегда подчеркивать **художественный реализм** писателя. Советские критики готовы даже утверждать, что реализм Гоголя родствен «советскому реализму». Но в действительности творчество Гоголя далеко от того понятия реализма, которое по существу является натурализмом, столь любезным сердцу советских «художников». Творческиий метод Гоголя действительно черпает свою мощь из жизни, но преображает эту жизнь в игру символов и художественной фантазии, зачастую запечатленную мистицизмом. «Реализм» Гоголя был всегда глубоко христианским и не имеет ничего общего с реализмом «кривого зеркала» советской «литературы».

Георгий Сидамон

1. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ.

Более ста лет назад русская общественность стала свидетелем жестокого преступления.

Рукой великого критика Виссариона Белинского был произведен смертельный выстрел, направленный в упор, в чистое и детски-доверчивое сердце гениального писателя Земли Русской, Николая Васильевича Гоголя.

В 1847 г. в Петербуге вышла последняя книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». 15 июля этого же года Белинский, находившийся тогда за границей на курорте Зальцбрун, написал Гоголю свое знаменитое письмо, в котором пригвоздил великого писателя к позорному столбу.

Письмо это, подлинно смертельный выстрел, произвело потрясающее впечатление на тяжко больного Гоголя и привело его к душевной катастрофе, от которой писателю не суждено уже было оправиться.

Вождь радикальствующей интеллигенции, «неистовый Виссарион», на целый век заклеймил замечательное произведение и его автора, бросив ему в лицо чудовищные обвинения. «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, что Вы делаете?» — с исступленным пафосом писал Гоголю в своем письме Белинский.

Немудрено, что после таких слов, на протяжении всего прошлого столетия, ни один «уважающий» себя русский интеллигент не только не осмеливался внимательно ознакомиться с книгой Гоголя, но просто не читал ее, довольствуясь уничтожающим приговором неоспоримого авторитета критической мысли того времени.

Но в чем заключалось преступление Гоголя перед русским обществом, перед Россией? Действительно ли прав был Белинский в своей оценке последнего произвдения писателя?

Пора открыто заявить, что великий критик с присущим ему темпераментом принес в жертву интересам своего лагеря одного из величайших русских людей.

Гоголь выступил в своей книге, как защитник всего подлинно-русского, как защитник вековых устоев национальной культуры, как горячий поборник высоких моральных начал, без которых немыслимо существование национально-здорового государственного организма.

В эпоху всесокрушающего похода радикализма на церковь, государство, семью и национальную самобытную культуру — великий писатель имел мужество выступить в защиту ниспровергаемых нравственных и политических традиций русского народа. Он отлично сознавал, что за спиной «передовой» интеллигенции стояли темные силы, с сатанинской злобой рывшие могилу русскому народу.

Радикальная интеллигенция конца сороковых годов прошлого века и ее признанный вождь, Белинский, были безнадежно слепы; им не была доступна гениальная прозорливость Гоголя. Они не видели той бездны, куда невольно развращаемый ими народ неизбежно должен был низвергнуться, увлекая за собой все, что составляло честь, славу и величие России.

Мы, дожившие до кровавой жатвы дьявольских злаков, выросших из семян плевела, которые сеяли «пердовые» люди прошлого столетия, должны очистить имя Гоголя от позорного обвинения и воздать должное его замечательному труду. Смирением истинного христианина, глубокой верой в великое пред-

назначение великого народа, страстной любовью к национальной культуре полны «Выбранные места из переписки с друзьями».

В письме к Жуковскому по поводу его перевода «Одиссеи» (письмо VII) Гоголь отчетливо сформулировал принципы общественной морали, на которых должен покоиться здоровый государственный организм: «это — строгое почитание обычаев, это — благоговейное уважение власти, несмотря на ограниченные пределы самой власти, это — девственная стыдливость юношей, это — благость и благодушное безгневие старцев, это — радушное гостеприимство, это — уважение и почти благоговение к человеку, как представителю образа Божия...».

Носительницей высших нравственных традиций, как справедливо указывает писатель, всегда была для русского народа Церковь; с глубоким прискорбием он указывал на то, что мы вообще плохо знаем нашу Церковь: «...а Церковь наша есть жизнь... жизнью нашей мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь», (Письмо VIII: «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве).

Со всей силой своего кипучего темперамента обрушился на Гоголя Белинский за его отношение к Церкви. В своем письме он кощунственно издевался над Церковью и духовенством, патетически задавая Гоголю вопрос: «Неужели Вы искренне, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству... неужели Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?» Великий критик, сам того не подозревая, блестяще выполнил заказ мирового атеизма, понося на протяжении всего своего письма в самых непристойных, неудобных для печати выражениях, нашу Церковь — колыбель

русской национальной культуры, самобытного духа русского народа.

Провозглашая Гоголя «апостолом кнута», Белинский недостойно исказил мысль писателя. В чрезвычайно интересном и принципиально важном XXII-ом письме о «русском помещике» Гоголь прямо заявил: «мужика не бей» и утверждал, что с помещика «взыщет Бог за последнего негодяя в селе», что помещик обязан «появляться почаще на крестьянских работах», брать самому «топор или косу», быть примером во всех отношениях для крестьян. Трезвый ум и великая христианская душа писателя требовали уже в данный момент, еще до окончательного разрешения крестьянского вопроса, облегчения подневольной участи русского крестьянства. Например, в XXI-ом письме Гоголь прямо писал: «От того и вся беда наша, что мы не глядим в будущее... позабыли, что пути и дороги к светлому будущему скрыты именно в этом темном и запутанном настоящем...».

«Выбранные места из переписки с друзьями» — замечательное, всеобъемлющее и глубоко философское произведение великого мыслителя, охватывающее все стороны жизни народа. В книге этой с исключительной силой и любовью говорится о женщине и ее роли, как сердца семьи и общества (письма III и XXI), о величии и самобытности русской национальной культуры (письма VII, X, XIV), о высоком назначении писателя и о святости слова (письма IV, X, XIV, XV, XVIII), о нравственном самоусовершенствовании каждого человека в духе христианского учения (письма II, VI, XII, XVI, XXII), о подлинном и чистом патриотизме (письма X, XIX, XXVI).

Книга эта, грандиозный кодекс нравственных законов русского народа, должна стать предметом самого

внимательного изучения и одним из ценнейших руководств по воспитанию молодежи, ибо мысли Гоголя являются поразительно современными, подлинным откровением для строителей будущей, свободной России

2. МОНАСТЫРЬ ВАШ — РОССИЯ

Блестящий расцвет русской культуры в XIX-ом веке, подготовленный всем ходом исторического развития страны, выдвинул ряд исключительно глубоких и оригинальных мыслителей. Среди них одно из первых мест занимает гениальный художник слова и мыслитель Николай Васильевич Гоголь. В своем произведении «Выбранные места из переписки с друзьями» он дал России своеобразную, стройную, чисто русскую систему философского миросозерцания.

Русская философская мысль всегда резко отличалась от европейской философии: с точки зрения Запада; в России по существу не было и нет философии, как науки.

Русская философия не рационалистична, в ней почти полностью отсутствуют элементы отвлеченного мышления, доводящие философию до математических формул и законов.

Русской философской мысли чужда рассудочность, она вся — эмоция, раскрытие подсознательного мира души, она мистична в лучшем смысле этого слова. Но на ряду с этим, в отличие от европейской философии, философия русская носит явно выраженный практический характер, ибо она не отрывается от жизни, но вся есть служение этой жизни. Оригинальность русской философии как-раз заключается в своеобразном синтезе эмоционально-мистического начала с практи-

ческой целеустремленностью. Русских мыслителей, как правило, мало интересуют отвлеченные искания в области теории познания, в области установления границ человеческого мышления. Русская философия — это прежде всего и главным образом этика, имеющая вполне конкретную задачу — воздействие на жизнь.

Другая характерная особенность русской философской мысли — ее христианская основа. Будущие историки русской философии с несомненной очевидностью установят истоки ее в поразительных по силе и глубине писаниях святителей и великих пастырей нашей Церкви. Корни христианского начала русской философии лежат в религиозной философии Византии, однако, в отличие от последней, оперировавшей религиозными абстракциями, отмеченными в значительной мере рационализмом, наша философия, в силу только ей присущей особенности, отталкивается от этого рационализма.

Поэтому предметом русской философии является **живая человеческая душа,** а не холодные законы чистого разума.

Это положение подчеркивается всем ходом развития русской философской мысли от глубокой древности до наших дней. От Феофана Затворника, Епископа Вышинского, Епископа Михаила Грибановского, Павла Флоренского, Сковороды и до славянофилов, до Гоголя, до Константина Леонтьева и Владимира Соловьева тянется эта органическая самобытная преемственность философских мировоззрений.

Русской душе чужд Аристотель — духовный отец западной философии. Ей ближе Платон и Сократ. Вот почему, с европейской точки зрения, у нас нет фило-

софов; даже Владимир Соловьев не удовлетворяет понятию европейского философа, как ученого.

Русский философ — это старец Зосима из бессмертного произведения Достоевского «Братья Карамазовы». Для русской философии самое высокое — **жертвенное служение Богу и человеку.**

Только в свете такого понимания особенностей русской философской мысли можно подойти к изучению миросозерцания Н. В. Гоголя.

3. ХРИСТИАНСКИЕ ИСТОКИ МИРОСОЗЕРЦАНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Стройная система философского миросозерцания Н. В. Гоголя, изложенная им в «Выбранных местах из переписки с друзьями», может быть сведена к четырем важнейшим разделам — высказываниям в области: 1). христианских начал, 2). этических принципов, 3). взглядов на государство и общественные отношения и 4). рассуждений этических.

Христианские начала.

От «Шинели» до «Выбранных мест из переписки с друзьями» красной нитью, лейтмотивом всего творчества Гоголя проходит истинно-христианская любовь его к ближнему.

Обращаясь к русским людям, великий писатель трогательно и искренно восклицает: «Соотечественники! я вас любил, — любил той любовью, которую не высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди тягчайших моих страданий» («Выбр. места», письмо I — «Завещание»).

Раскрытие смысла бытия, а отсюда и всех форм человеческой жизни, по Гоголю, возможно лишь путем восприятия христианской морали, которая требует от человека любви, смирения и жертвенного служения людям, для чего необходимо бесконечное духовное самоусовершенствование: «Для христианина нет оконченного курса: он вечно ученик и до самого гроба ученик... перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги» (Письмо XII: «Христианин идет вперед»).

Для Гоголя, как истинного русского философа, «ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше как полицейская. Он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть... Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями... но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность, имя ей — Мудрость, и ее может дать нам один Христос». (Письмо XII).

Гоголь восстает против самоуверенности и односторонности в человеке. Он утверждает, что «христианин покажет прежде всего свое смирение, свое первое знамя, по которому можно узнать, что он христианин... односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком...» (Письмо XIV: «О театре»).

Смысл человеческого существования писатель видит в любви к ближнему, но не в любви абстрактной. а живой, деятельной, направленной на помощь не только материальную, но главным образом нравственную. Потрясающим пафосом великого пророка звучат его слова: «На колени перед Богом, и проси у Него гнева и любви. Гнева против того, что губит человека,

любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам». (Письмо XV, к Языкову).

Но для того, чтобы человек мог стать подлинным «добрым самаритянином», он должен стать «прежде сам почище душой, а потом уже и стараться, чтобы другие были почище». (Письмо XXVI: «Советы»).

О себе Гоголь с полным правом сказал: «Дело мое — душа и прочное дело жизни». (Письмо XVIII: «По поводу Мертвых душ»). «Без любви к Богу никому не спастись» (Письмо XIX), но для того, чтобы постичь и полюбить Бога, христианин должен итти в мир и научиться прежде всего любить людей, это дело трудное, требующее большого подвига и нравственной силы, ибо «как полюбить братьев? как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного» (Письмо XIV).

Гоголь в письме к гр. А. П. Толстому (Письмо XX) требует от людей, чтобы они шли в мир и творили в нем «дело любви». Никто не имеет права удаляться от мира, так как «чтобы иметь право удалиться от мира, нужно уметь распроститься с миром». Великий писатель повелительно указывает: «Монастырь наш — Россия» и долг каждого истинно русского человека-христианина итти и служить живым делом родине.

Такое понимание христианской морали у Гоголя тесно сведено с его отношением к Церкви — издревле нравственной просветительнице русского народа.

По мнению Гоголя Церковь в России — могучий родник духовного самоусовершенствования и возрождения, ибо «Церковь наша есть жизнь» (Письмо XIII). К стыду нашему отмечает Гоголь, что мы, владея «сокровищем, которому цены нет... не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем

даже, где положили его...» а между тем Церковь только «одна в силах разрешить все узлы и недоумения и вопросы наши... может произвести чудо на виду всей Европы, заставив у нас всякое сословие, звание и должность войти в их законные границы и пределы, и, не изменив ничего в государстве, дать силу России... и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» (Письмо VIII).

В Церкви, по убеждению писателя, «заключено все, что нужно для жизни истинно-русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного... и безумна и мысль ввести какое нибудь нововведение в России, минуя нашу церковь, не испросив у нее на то благословения. Нелепо даже и к мыслям нашим привить какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит она их светом Христовым... В нашей церкви сохранилось все, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей». (Письмо XVII: «Просвещение»).

Люди для обозначения умственного прогресса часто употребляют слово «просвещение», но «просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека... пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая почти тысячу лет его произносит, ибо свет Христов просвещает всех». (Письмо XVII).

И действительно, на протяжении всей нашей истории не было момента, когда Церковь не выступала бы борцом за жизнь, за душу народа. Так было во время татарского ига, так было и при московских царях. Церковь выступала грозным обличителем в лице митрополита-мученика Филиппа, восставшего против

безумств Иоанна Грозного. Церковь личным примером вдохновляла русских людей порывами высокого патриотизма на Куликовом поле, за стенами Троицко-Сергиевской Лавры. Церковь всегда и везде боролась с неправдой и притеснениями. В течение долгих веков Церковь была единственным маяком культуры и просвещения.

Этические взгляды Гоголя.

Из органической тесной связи с христианскими началами мировоззрения естественно вытекают принципы этики Гоголя, его взгляды на нравственные устои здорового общества.

Проповедь христианского смирения не превращается у Гоголя в «непротивление злу», наоборот, цель жизни он видит в том, «что человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, — для того и жизнь дана человеку, — что ни в каком случае не следует унывать...» (Письмо VII: «Об Одиссее»).

Постоянное самоусовершенствование, борьба со злом, помощь ближнему, уважение к традициям и прошлому родины, сознательное отношение к своему долгу перед собственной душой, перед семьей и обществом, скромность и чистая вера в Бога — таковы нравственные идеалы великого писателя. Размышляя о переводе Жуковского «Одиссеи», Гоголь указывает, что древний мир «одним только простым исполнением обычаев старины и обрядов... дошел до того, что приобрел какую-то стройность и даже красоту поступков... и как бы действительно слышишь в нем богоподобное происхождение человека» (Письмо VIII).

В письме к Языкову (Письмо XV) Гоголь требует от поэта, чтобы тот опозорил «в гневном дифирамбе новейшего лихоимца нынешних времен» и возвеличал бы «в торжественном гимне незаметного труженика».

Всеми средствами Гоголь борется с пошлостью жизни, ибо справедливо видит в ней ту ужасающую тину, которая, затягивая людей, морально растлевает их, открывая путь к нравственному падению и погрязанию в порочных страстях. Говоря о героях «Мертвых душ», писатель замечает, что они «вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними. Но пошлость всего вместе испугала читателя». Гоголь с удовлетворением констатирует: «Мне бы скорее простили, если бы я выставил картонных извергов; но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, нежели все его пороки и недостатки. Явление замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращение от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному». (Письмо XVIII). В четвертом отрывке того же письма Гоголь развивает дальше эту мысль: «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его мерзости». Мыслитель видит в таком решении свой прямой долг, причем не щадит и себя. Так он отбирал не только «от всех прекрасных людей, людей, которых знал, все пошлое и гадкое», но прежде всего обнажил самые темные уголки своей души, сам «от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других таких над ними посмеяться».

«Сострадание уже есть начало любви» (Письмо XIX), провозглашает Гоголь и призывает любить своих ближних, свой народ. Для этого должен «возлюбить русский Россию», и тогда возлюбит он «все, что ни есть в России»; вне такой любви невозможно истинное служение народу, ибо «не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а, не полюбивши братьев,

не возгореться вам любовью к Богу... не спастись вам». (Письмо XIX).

«В природе человека, а особенно русского» — указывает Гоголь, — «есть чудное свойство: как только заметил он, что другой сколько-нибудь к нему наклоняется или показывает снисхождение, он сам уже готов чуть ли не прощения просить». (Письмо XX).

Это свойство русской души дает необозримые возможности для всех, кто хочет и может быть «ловцом душ человеческих» во имя нравственного самоусовершенствования как общественного, так и личного.

Отсутствие любви к родине, к своему народу приводит к ужасающей катастрофе, подобной той, которую мы переживаем вот уже 35 лет. Сто лет назад Гоголь пророчески предупредил: «не бежать на корабле из земли своей... но, спасая душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать самого себя в самом сердце государства». (Письмо XXVI). Для нашей эмиграции эти слова должны звучать, естественно, символически — не должны мы бежать от родины нашей в сердцах наших.

Горячая, бескорыстная и искренняя любовь к человеку пронизывает все мировоззрение Гоголя, недаром говорит он:« Смотрите на то — любите ли вы других, но не на то — любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин». (Письмо XXVIII).

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. В. ГОГОЛЯ

Государство как национальное целое

Принципы христианской морали предопределяли взгляды Н. В. Гоголя на государство, как национальное целое, и на общественные отношения в нем.

Сильная отеческая власть — вот, что нужно, по мнению мыслителя, для России. Такая власть отвечает природе и духу нашего народа. Глава государства должен стоять **над партиями**, сословиями, отдельными личностями; вся его деятельность должна быть направлена на укрепление взаимной солидарности в народе, на устранение малейших поводов для какой-либо борьбы внутри общества. «Все полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословия и звания, и обративши все, что ни есть в нем, как бы в собственное тело, возболев духом о всех» (Письмо X), — верховный глава приобретает всеобщую любовь и выполняет свое высшее назначение. Этот принцип отеческого служения народу должен проводиться неуклонно на всех ступенях иерархической лестницы — от главы государства до самого скромного официального лица. Так, например, губернатор, являясь начальником и правителем, «полномочным во всем», обязан обращаться с народом «как отец с детьми», лично общаясь с ним, а не через канцелярию и бумажную переписку. «Храни вас Бог от заведения канцелярии. Иначе и не объясняйтесь ни с кем, как лично», — советует Гоголь своему приятелю (Письмо XXVIII).

Из такого понимания государственной власти вытекают определенные взгляды на общественные отношения в стране.

Общество должно строиться на принципах солидарности и общности интересов. Разбирая взаимоотношения помещика и крестьян, Гоголь категорически требует, чтобы помещик «позаботился о них (крестьянах) истинно, как о своих кровных и родных, а не как о чужих людях, и так бы взглянул на них, как отцы на детей своих.»

Рассматривая семью, как органическую основу государства, Гоголь признает исключительно важное зна-

чение роли женщины — этого «сердца семьи». Ряд писем посвящен писателем женщине (II, XVI. XXIV). «Душа женщины — хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы» (Письмо II). Женщина — мать и жена, воспитательница подрастающего поколения в духе христианской морали и любви к своему народу. Жена — полновластная хозяйка в доме, центр крепкой и здоровой семьи.

Не менее интересны высказывания Гоголя о суде. «Судите всякого человека двойным судом и всякому делу давайте двойную расправу. Один суд должен быть человеческий. На нем оправдайте правого и осудите виновного... Другой же суд сделайте Божеским и на нем осудите и правого и виноватого» (Письмо XXV). По мнению мыслителя, только в России возможно осуществление такого суда, так как «правосудие у нас могло бы исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском заронилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог» (Письмо XXV).

Государство, основанное на отеческой власти, на всечеловеческой любви и солидарности, немыслимо без проявления в нем высокого патриотизма. «Нужно любить Россию!» — завещает всем нам, русским людям, великий Гоголь. «Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей...» (Письмо XIX). Какими близкими кажутся нам его замечательные слова о родине: «Она теперь зовет сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. Друг мой! или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия» (Письмо XX).

Через столетие ко всем истинно русским людям взывает мощный голос русского гения, который верит, что

порыв беспредельной преданности и любви к родине «вызовет нам нашу Россию — нашу русскую Россию, не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую извлечет она из нее же» (Письмо XXXI).

Рождение в муках новой национальной России пророчески предсказано Гоголем: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму: еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя, неприличное, и внести в себя, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней (Письмо XXXII: «Светлое Воскресение»).

Эстетические взгляды Гоголя

В высоком патриотизме раскрываются и основные принципы эстетики Н. В. Гоголя.

Через национальное, чисто русское, к общечеловеческому — вот путь русского искусства. Такова заповедь гениального писателя.

Народные песни и пословицы, простые, но величавые и глубокие творения русских церковных пастырей — неиссякаемый источник подлинно русского творчества (Письмо XXXI).

В замечательном письме «О том, что такое слово» (Письмо IV) Гоголь так определяет назначение поэта: «Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще». Поэтому «чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними: иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят... обращаться со словом нужно честно: оно есть высший подарок Бога человеку...» (Письмо IV). Почти сто лет спустя другой, ве-

ликий, истинно русский, человек выразил эту же мысль бессмертными стихами:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как в улье омертвелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

(Н. Гумилев «Слово».)

Сердце русского поэта и писателя полно горячей любовью к родине: «Два предмета вызвали у наших поэтов лиризм,близкий к библейскому. Первый из них — Россия», — замечает Гоголь в письме «О лиризме наших поэтов» (Письмо X). У великих русских людей любовь к России «что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству... Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться на земле, назначенной быть нашим отечеством» (Письмо X).

Обращаясь к поэту, Гоголь призывает его на великое служение народу: «Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов в воздух тогда, когда они даны тебе на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы» (Письмо XV). Поэт должен «служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастия других, а не для своего» (Письмо XVIII).

В творчестве для русского человека открывается ослепительный свет, побеждающий мрак душевной ночи. «Стремление к свету стало нашим элементом, шестым чувством русского человека» (Письмо XXXI).

— Тем самым шестым чувством, о котором Н. Гумилев незадолго до своей трагической смерти писал:

Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

(«Шестое чувство»)

Гоголь предчувствовал великое, мировое значение русского искусства: «Поэзия наша пробовала все аккорды, воспитывалась литературой всех народов, прислушивались к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному... Другие дела наступают для поэзии... придется ей теперь вызывать на другую высшую битву человека — на битву не за временную нашу свободу, права и привилегии, но за нашу душу, которую сам небесный Творец наш считает перлом своих созданий» (Письмо XXXI).

Богатый русский язык дает безграничный простор творчеству, так как в нем можно «восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека» (Письмо XXXI).

Но русский поэт и писатель на своем творческом пути никогда не должен забывать, что «в то время, когда уже начали было думать люди, что образование выгнало злобу из мира, злоба другою дорогой, с другого конца входит в мир — дорогою ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, попадает на сердце людей повсюду... Дьявол выступил уже без маски в мир... люди темные, никому неизвестные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями других людей» (Письмо XXXII).

Это ли не гениальное пророчество, это ли не поразительная по силе отповедь всем темным силам, это ли не предупреждение всем лучшим русским людям!

Но в конце 40-ых годов прошлого века, к глубокому несчастью русского народа, голос Н. В. Гоголя остался «гласом вопиющего в пустыне».

Русская интеллигенция, насквозь отравленная ядом радикализма, не вняла призыву великого страдальца за душу русского народа, но более того — забросала грязью имя писателя, а поразительную книгу его предала позору и забвению.

К ОТВЕТУ!

Вечным, несмываемым позорным пятном на совести великого критика Виссариона Белинского лежит его письмо Н. В. Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», — позорным пятном не только потому, что Белинский самым недостойным образом оскорблял гениального писателя, но главным образом потому, что в письме своем он надругался над русским народом и стал глашатаем темных интернациональных сил, давно уже поставивших перед собой задачу, — уничтожение России во что бы то ни стало.

На врагов России и всего русского книга Гоголя произвела потрясающее впечатление. Радикалы всех мастей и оттенков забили тревогу. Необходимо было принять решительные меры, чтобы здоровые национальные идеи Гоголя не были восприняты русским обществом. Вокруг книги Гоголя была поднята целая буря клеветы и грязных инсинуаций, причем главным застрельщиком этой гнусной интриги был выпущен Виссарион Белинский.

Враги России могли торжествовать победу. Гоголь, как мыслитель, был опорочен на целое столетие, а книга его незаслуженно предана презрению и забвению.

С тяжелым чувством стыда, боли и негодования должны признать мы, что величайший русский критик, будучи слепым орудием в руках радикалов, запятнал себя тяжким грехом перед лицом родного народа.

Поэтому со всей решительностью и резкостью необходимо отделить Белинского — художника, великого отца русской критики, от Белинского — общественника и злополучного вождя «передовой интеллигенции» 40-х годов прошлого века.

Обладая огромным художественным чутьем, создав шедевры критической мысли, Белинский, как «социолог», был поверхностный и зачастую невежественный недоучка. Не зная ни одного иностранного языка, не имея перед собой переводов произведений европейских мыслителей (ибо в России тогда их не было), Белинский из третьих рук питался скудными и фальсифицированными крохами со стола западной философии и науки. Необузданный темперамент Белинского увлек его так далеко по пути предательства национальных интересов России, что недаром, по свидетельству известного критика Страхова, Федор Михайлович Достоевский считал его «самым позорным и смрадным явлением русской жизни».

В своем печальной памяти «знаменитом» письме Гоголю Белинский назвал значительные по глубине мыслей «Выбранные места из переписки с друзьями» — «надутой неопрятной шумихой слов и фраз». Такой отзыв мог дать лишь безнадежно ограниченный чело-

век, либо задетый за живое и нечистоплотный в выборе средств борьбы идейный противник.

Белинский недостойным образом исказил и высмеял философское миросозерцание Гоголя. С актерским, наигранным пафосом он, обращаясь к Гоголю, писал: «Нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель».

Достаточно сравнить эти слова с действительными высказываниями Гоголя (что мы подробно сделали выше), чтобы оценить всю глубину нравственного падения Белинского.

Великий критик в своем письме кощунственно обрушился на все, что было дорого и свято русскому народу. Самым гнусным образом издевался он над христианской моралью и церковью, которая по его мнению «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма». Он утверждал что России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью».

Таким образом Белинский пытался опровергнуть ту несомненную истину что для русского народа на протяжении всей истории нашей родины как раз в христианстве открывалось истинное достоинство человека. Каким искажением правды, каким презрением к русской истории, ко всему русскому веет от слов Белинского, и «Вольтер... конечно более сын Христа... нежели... все наши попы, архиереи, митрополиты и патриархи»! — Русское духовенство, по Белинскому, достойно лишь презрения: «не есть ли поп на Руси

для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства...» или «духовенство отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педанством, да диким невежеством».

Какой цинизм, какое душевное убожество и бесстыдство заключалось в этих словах! Только враг русского народа мог так клеймить церковь, ту церковь, которая на протяжении многих веков выпестовала прекрасную душу нашего народа, ту церковь, которая была светочем высокой духовной культуры, ту церковь, которая «печаловалась» о всех без исключения лицах, ту церковь, которая не раз спасала Россию от гибели в тяжелые годы лихолетья.

Но Белинский не остановился на этом, он возвел чудовищный поклеп на свой народ, утверждая, что русские «по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности», что «религиозность не привилась даже в духовенстве», что народ слагал «похабные сказки про попа, попову дочку и попова работника». Эту мысль Белинский развил далее, в совершенно неудобных для печати выражениях. Дальше итти было некуда!

Сто лет назад прозвучал этот грязный пасквиль на русский народ. И лучшим подтверждением его лживости служит тот факт, что в годы последней войны советское правительство вынуждено было сделать уступки в области церковной политики, ибо даже 30 лет самых диких гонений не могли вытравить из души русского народа религиозность. Во времена же Белинского атеизм пустил корни в ничтожной общественной прослойке, так называемой «передовой интеллигенции». Выставляя Гоголя «мракобесом», Белинский обвинял его в том, что великий писатель якобы утверждал, что «грамота не только не полезна, но положительно вред-

на». И здесь было допущено сознательное искажение мысли Гоголя, который восставал не против просвещения, а лишь против использования просвещения для проповеди ненависти и насаждения зла среди людей.

В своих выпадах против Гоголя лично, как человека, Белинский преступил всякие пределы приличия и, более того, не постеснялся самым недостойным образом доносить на Гоголя, выдавая его с головой на растерзание российской «передовой интеллигенции». Он прямо писал, что книгу Гоголя нужно рассматривать, как «хитрую, но черезчур нецеремонную проделку для достижения небесным путем чисто земной цели», в которой Гоголь пытался, якобы: «земному Богу (то-есть царю. — Г. С.) подкурить более, нежели Небесному», причем в своем усердии хватил так «через край, что тот (то-есть царь. — Г. С.) и хотел бы его наградить за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!»

В этих словах, помимо явной площадной брани по адресу Гоголя, Белинский сознательно пошел на двойную провокацию: с одной стороны он вызывал негодование «общества», а с другой — пытался компрометировать писателя в глазах правительства.

Но Белинскому, казалось, и этого мало. Он тонко развил в своем письме провокационный метод, бросив ядовитый намек, мерзкий слух в толпу о том, что «гимн властям придержащим хорошо устривает земное положение набожного автора», и далее добавил: «в Петербурге распространился слух, будто бы (Гоголь) написал эту книгу с целью попасть в наставники к сыну наследника...» Писать подобную вещь полуживому писателю, который весь ушел в спасение своей души, это ли не предел человеческой низости!

И последний смертельный удар: «В Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие Его в груди своей, или потерявшие Его».

Распяв великого мыслителя, Белинский с откровенным цинизмом закончил свое письмо следующими словами: «не без некоторого чувства самодовольства скажу Вам, что я знаю русскую публику. Пусть Вы или само время докажет, что я заблуждаюсь в моих мыслях о Вас... дело идет об истине, о русском обществе, о России».

Если за русский народ, за Россию можно считать преемников Белинского — Чернышевских, Нечаевых, большевиков и прочих «бесов» земли нашей, то тогда, пожалуй, прав Белинский, но мы твердо знаем, что все они не имеют ничего общего с подлинным русским народом. Поэтому мы можемо смело утверждать, что время разоблачило преступное письмо Белинского, время реабилитировало гениального писателя земли русской и осудило навек Белинского.

Новая национальная Россия с гордостью будет чтить Гоголя, величайшего истинно русского человека, замечательного мыслителя, учителя и прозорливца, действительно жертвенно любившего свой народ. Но новая Россия с гневом и презрением пройдет мимо Белинского — общественника, положившего немало усилий, чтобы растлить и обесчестить русский народ.

ЦЕНА: 0.75 ДМ.

Издательство

